

МЕЖДУ ЖИВОЙ ВОДОЙ И МЕРТВОЙ

Л.М.КРОЛЬ*

Вашему вниманию предлагается отрывок из книги Л.М.Кроля «Интегративная гипнотерапия», готовящейся к изданию в НФ «КЛАСС». Основное ее содержание – тексты избранных наведений транса и комментариев к ним. Подход автора отличается от классической и даже от эриксоновской гипнотерапии (хотя, безусловно, вырос из последней), расширяет представления о структуре и возможностях работы с трансовыми состояниями. Перед вами фрагмент протокола терапевтической сессии, проведенной на занятии мастерской «Гипнотические техники и решение психосоматических проблем». Комментарии, возникшие позднее, выделены курсивом.

«Медицинская модель» происходящую является для автора лишь одной из возможных точек отсчета, поэтому читателю не предлагается ни формальный анамнез, ни результаты клинко-психологического обследования, ни даже описания проб на гипнабельность (которых, разумеется, и не было). А было так:

Работа с аутоиммунным заболеванием – отторжением тканей собственного организма

Инна: У меня аутоиммунное заболевание.

Терапевт: Что это значит для тебя? Расскажи, что ты чувствуешь при этом? Ты боишься его?

Инна: Я боюсь, что это пойдет слишком далеко. Тогда страшно.

Терапевт: То есть, ты хочешь, чтобы оно не заходило слишком далеко?

Инна: Да.

Терапевт: А как ты думаешь, почему оно у тебя возникло?

Инна: Я не знаю.

---

* Кроль Леонид Маркович – кандидат медицинских наук, директор Института групповой и семейной психотерапии.

Терапевт: Но ты же материалист...

Инна: Была стрессовая ситуация... Авария...

Терапевт: И что?

Инна: У меня, наверное, стресс был... *(Как-то вся сжимается, будто начинает плакать)*.

Терапевт: Ты прям мокрая, как мышонок. Ты мышонок?

Ее защита, ее способ поведения заключается в том, что все очень просто – что белое – это белое, вода – мокрая, она – девочка. Т.е. она ведет себя как «плоское» существо, которое на все знает ответы и которое, в общем, никаких сложностей, и никакой начинки, никакой изнанки вообще не предполагает. И я задаю ей абсурдные вопросы, которые то ли имеют значение, то ли не имеют... Но, скорее всего, для нее они все-таки имеют значение. И ее реальные реакции очень сложны: она закрывается руками, отстраняется, смотрит в сторону, краснеет, у нее выступает пот. Обильная игра сосудов, обильное нервное движение... Такое впечатление, что у нее каждый вопрос вызывает целый ряд бурных реакций, причем на сознательном и вербальном уровнях реакции очень упрощены, подавлены, и при этом на вопросы она реагирует гораздо более сложным и многомерным образом, чем это кажется по ее словесному ответу. И когда я у нее спрашиваю: «Ты мышонок?», я имею в виду «Ты человек? Ты можешь создавать какие-то ассоциации, ты можешь решить, что ты сама отвечаешь за свое заболевание?» Вначале она ведет себя так, как будто это происходит не с ней. Она никогда не отвечает сразу на поставленный вопрос. Кроме того, вопрос: «Ты мышонок?» – это вопрос: «Ты большая или маленькая? Ты можешь фантазировать и давать неожиданные ответы? Ты сознательная или не только сознательная?» Это же, по-видимому, ассоциируется с идиомой «мокрая, как мышь». Потому что она чувствует, что она сейчас мокрая, мечущаяся, дрожащая. Это образ испуганного мышонка, который меньше, чем взрослая мышь, который попал в ситуацию, где его неожиданно осветили, испуган, что на него обращают слишком много внимания, и думает: «Надо бы спрятаться, надо бы молчать...» Это видно по однозначности ее ответов, по их краткости и уклончивости. Она при этом ведет себя, как заяц, который попал в луч фар, и не убегает из луча, из этого ограничителя, даже, скорее, идет навстречу, но при этом старается все время спрятаться. Ее реакции двойственны: с одной стороны, это реакции сотрудничества, попытки ответа, с другой – уклонения, ухода, отрицания. И я все время играю с наличием в ней этой амбивалентности, задаю полярно противоположные вопросы.

Инна плачет.

Терапевт: Тебе стыдно?

Инна отрицательно качает головой, потом согласно кивает.

Терапевт: Это хорошая реакция. Ты не мышонок, не лягушка?

Инна: Я – неведома зверушка.

Терапевт: Неведома зверушка, почему ты плачешь?

Когда я говорю: «Ты – не мышонок, не лягушка», – я играю с ней в нарушение ее возраста и статуса. Я в своих интервенциях выясняю вопрос, готова ли она принять ответственность за свое заболевание, за свои ощущения, выбирает ли она их, отвечает ли она за них, хочет ли она их, хочет ли она их изменить, в какую сторону она их хочет изменить. Меня не устраивает ситуация, в которой она является пассивным объектом, мне хотелось бы, чтобы она сама принимала решения, готова была как-то изменяться. Дело в ее собственном отношении к ее болезни. Если она готова отвечать за свою жизнь сама, то, видимо, она может также бороться и отвечать за свое состояние, частью которого является ее болезнь.

Инна пожимает плечами: дескать, не знаю...

Терапевт: Ты материалист?

Инна кивает, что да.

Терапевт: А почему была стрессовая ситуация?

Мне кажется важным, что я чередую свои вопросы таким образом, что на часть вопросов вообще нельзя ответить. Это утверждения, это раскачки, это вопросы-междометия, это вопросы со сложным коллапсирующим смыслом. А часть вопросов после этого – очень простые, на которые, по контрасту, вроде бы легко отвечать. Что дает эта ситуация? Инна чувствует облегчение после предыдущих вопросов, начинает отвечать гораздо конкретнее.

Инна: Мы в аварию попали на машине...

Терапевт: Ты виновата?

Инна отрицательно качает головой.

Терапевт: Точно?

Инна кивает, верно.

Терапевт: И все перевернулись? Кто был в машине?

Инна: Семья вся. *(Плачет.)* Я, мама, папа и сестра.

Судя по ее реакции, эта ситуация ею не пережита, она полна эмоций, причем эмоций неразряженных, неосознанных, не пришедших во внутренний эмоциональный порядок... Есть в этом какая-то тайна, что-то скрытое. И задавая об этом вопросы, предлагая ей публично рассказать, я проделываю работу по разрядке этих подавленных эмоций...

Терапевт: И кто ударился?

Инна: Я вообще не ударилась. Я, хоть и вылетела из машины, вообще не ударилась.

Терапевт: То есть тебе повезло. Ты чувствуешь, что тебе повезло?

Инна: *(После долгого раздумья.)* Не чувствую.

Ее реакция при ответе на вопросы совсем другая, чем вначале, она начинает задумываться над вопросами. Очень важно задавать Инне необычные вопросы, она пытается на них отвечать, и тот момент, когда она думает – очень важная терапевтическая часть работы. «Тебе повезло? Ты чувствуешь себя виноватой? Это ты перевернула машину?» Она начинает допускать свою активность как какой-то силы.

Терапевт: Но машину все-таки ты перевернула или нет?

Инна: Не я.

Терапевт: Хорошо, а кто ударился? Вот ты пришла в себя, и что ты видишь?

Инна: Я увидела, что мама лежит рядом с деревом и не двигается. А папа сзади в машине...

Терапевт: Ты испугалась? *(Инна отрицательно качает головой.)* Ты ничего не поняла? *(Инна утвердительно кивает.)* Но, может быть, ты обрадовалась?

Инна подумала и отрицательно качает головой.

У Инны присутствует часть очень нечетких, разнонаправленных реакций. Это реакции, которые не имеют одноканального выхода и похожи на взрыв – в разные стороны. Процесс здесь в чем-то аналогичен коллагенозу, когда неожиданным образом происходит расслоение ткани. Часть вопросов терапевта имеет задачу помочь Инне найти воронку, выход ее эмоциям. Ее амбивалентность, неясность, невыраженность требуют своего выражения.

Терапевт: Хорошо, скажи мне, а с сестрой что случилось?

Инна: У нее была трещина на руке...

Терапевт: А как ты к сестре относишься?

Инна: Хорошо.

В ответ на вопросы о сестре у нее возникает большее придыхание, горловой спазм... Я думаю, что она подавляет нелюбовь к сестре. Это лишний раз показывает, что у нее довольно много, для ее возраста, непроясненных, подавленных, противоречивых чувств.

Терапевт: А она к тебе?

Инна: Тоже.

Терапевт: Скажи, а ты можешь кого-нибудь ненавидеть?

Инна: *(После долгих раздумий.)* Не знаю точно. Может, могу.

Терапевт: А ведь это часто случается, что можно и любить и ненавидеть одного и того же человека. Вот маленький ребенок; он и любит родителей, а потом они ему надоедают, он их ненавидеть начинает. Ты можешь кого-то ненавидеть? *(Инна долго задумчиво молчит.)* Можешь. Кого ты ненавидишь? Хотя бы иногда?

Инна: *(После длительной паузы.)* Сестру...

Мне не важен ответ, мне важно другое – допущение, что она мо-

жет кого-то ненавидеть, процесс расширения зоны возможных чувств, разрешение на негативные чувства, возможность представить себе, что одновременно могут быть самые разные чувства. И позволение ей, при случае, увидеть, признать, что она действительно кого-то ненавидит.

Терапевт: Почему? Потому что она мешает тебе быть одной в семье?

Инна: Не знаю...

Терапевт: Ты материалист?

Инна смеется.

Терапевт: Смотри, у тебя все время две реакции: сначала ты плачешь, потом смеешься... Ты ведь говоришь про заболевание, в котором волокна растворяются, и здесь, в этих своих состояниях ты тоже как бы расслаиваешься на разные части, и между клетками не остается волокон... Как будто есть два существа, одно – такое хорошее существо, все понимающее, реалистичное, а второе существо у тебя какое? Где ты его прячешь? Может быть, тебя лучше распилить? На две части? Или срастить лучше? А? Тебе нравится болеть?

Инна: Не знаю...

Терапевт: Или ты уже привыкла?

Инна: Я привыкла...

Терапевт: Знаешь, страдание – это же хорошее наказание за какую-то вину. Ты, получается, при деле. И ничего поделать нельзя, все происходит как бы без твоего участия. Ты жить-то вообще хочешь?

Инна: Хочу.

Терапевт: Зачем? Чтобы мучиться?

Инна: Нет. Да я в общем-то и не мучаюсь...

Терапевт: А почему ты сейчас плачешь?

Инна: Не знаю...

Терапевт: А как ты думаешь?

Инна: Потому что волнуюсь.

Терапевт: А почему ты волнуешься? Ты вспомнила ситуацию с аварией? (*Инна кивает.*) А были еще какие-нибудь ситуации раньше, которые заставляли тебя сильно волноваться? На тебя в детстве кто-нибудь орал? (*Инна отрицательно качает головой.*)

Никогда?

Инна: Сейчас не помню...

Терапевт: А ты на кого-нибудь орала?

Инна: Наверно, орала...

Терапевт: А бывало так, что тебе хотелось на кого-то наорать, а ты себя сдерживала?

Инна: Да.

Терапевт: На кого?

Инна: Думаю, что на сестру.

Терапевт: А сестра, когда случилась авария, что делала?

Инна: Она тоже испугалась, наверное.

Терапевт: Это наверное. А что она делала?

Инна: Плакала, наверное.

Терапевт: Наверное или плакала?

Инна: Не помню.

Терапевт: Ты эту ситуацию боишься вспоминать, да? Хорошо, можешь ты вспомнить какую-нибудь другую ситуацию, которая для тебя значима? Или неприятна? Из тех, что раньше происходили. Это явно не первая ситуация.

Инна: (*После долгих раздумий.*) Не могу вспомнить...

Терапевт: Ты мышонок? Каким животным ты хотела бы стать, если бы была возможность?

Инна: Кошкой.

Терапевт: А почему?

Инна: Она спокойная, ласковая.

Терапевт: Ты хотела бы быть спокойной?

Инна: Да.

Терапевт: А ты спокойная?

Инна: Я почти всегда спокойная.

Терапевт: Ты внешне спокойная или для себя спокойная?

Инна: И внешне и для себя.

Терапевт: А что нужно, чтобы ты для себя была спокойной?

Инна: Уверенность.

Терапевт: А что дает тебе уверенность?

Инна: Например, сознание, что я в чем-то лучше других.

Терапевт: А почему тебе надо быть лучше других? Приведи какой-нибудь пример.

Инна: Например, в учебе...

Терапевт: То есть, ты хочешь жить одной головой. Тебе вообще тело не нужно?

Инна демонстрирует банальную вещь: у нее кризис идентификации и ей трудно осознать себя отдельно от родных, выделиться из семьи. И у нее в каком-то смысле подростковая проблема – отношения со своим телом. Инна не знает своего тела достаточно. У подростков обычно то ноги растут быстрее, то руки вытягиваются, конечности становятся неловкими, жеребьячьими. Для нее вопросы: «Любишь ли ты свое тело? А ты за свое тело отвечаешь?» – абстрактны. Она и не девочка, и не женщина, она не мышонок, не лягушка... И я делаю попытку облегчить для Инны понимание – кто она и куда она стремится. Я думаю, что она мало знает свое тело, спотыкается в нем.

Инна молчит.

Терапевт: А какие предметы ты больше любишь?

Инна: Я, наверное, люблю предметы, где надо применять логическое мышление.

Терапевт: Интересно, какие же в медицинском институте есть предметы, в которых нужно применять логическое мышление? (*Общий смех.*) Хорошо, а вот если бы ты сейчас выбирала заново институт, куда бы ты пошла? (*Инна долго молчит.*) Ты думала об этом? (*Инна отрицательно качает головой.*) Ты вообще не думала о том, что твоя жизнь могла бы пойти иначе, и ты могла бы быть не домашней девочкой, про которую все известно и понятно, куда ей идти, что ей делать... Могла бы быть не домашней кошкой, а дикой кошкой. Думала?

Инна: Да.

Терапевт: И что это могла бы быть за дикая жизнь? Если перед тобой стоит выбор – или ты будешь болеть и жить своей правильной жизнью, или должна будешь все изменить – образ жизни, род своих занятий. Кем бы ты стала, как бы ты жила, куда бы ты уехала? Как бы ты могла жить дикой кошкой?

Новой жизни, другой жизни, другого тела, другой степени ответственности за себя – от этих идей Инна начинает пробуждаться.

Инна: Я бы, наверное, журналистом стала.

Терапевт: Расскажи об этом побольше. Представь, что ты должна через неделю принять решение. Что бы ты стала делать? Куда бы ты сейчасехала, как бы ты жила?

Инна: На Юг быехала...

Терапевт: Куда на Юг? В Казахстан? В Объединенные Арабские Эмираты? Или в Сочи?

Инна: В Сочи.

Терапевт: И что дальше? (*Инна молчит.*) Я хочу, чтобы ты пофантазировала, потому что, может быть, ты живешь какой-то чужой жизнью...

Инна: Мне бы хотелось жить жизнью, в которой бы я рисковала.

Терапевт: Хорошо, мне это тоже нравится. Где бы ты рисковала? Понятно, что в Сочи ты бы рисковала... (*Общий смех.*) И какую бы ты работу стала там искать?

Инна: Что-нибудь с горами связанное.

Терапевт: А в Сочи есть горы?

Инна: Наверное...

Терапевт: Хорошо, это такая работа – по горам лазить. А что бы ты делала как журналистка? Как ты видишь эту свою работу? Когда ты искала бы ее, ты бы плакала?

Инна: Нет, наверно...

Терапевт: То есть ты была бы смелая? Потому что тебе нечего было бы терять? Потому что никто за тобой бы не следил все равно, не было бы знакомых вокруг? (*Инна кивает.*) То есть ты могла бы начать какую-то совсем новую жизнь. Как?

Инна: Мне страшно, конечно же. Но я сумела бы...

Терапевт: Если бы ты выбирала: остаться на своем месте и болеть,

или начать новую жизнь, то что бы ты выбрала?

Инна: Новую жизнь.

Терапевт: А тебе хочется новой жизни?

Инна: Хочется.

Терапевт: Хорошо, а сама ты не можешь начать новую жизнь, тебе нужно, чтобы для этого что-нибудь случилось?

Инна: Да.

Терапевт: А что тебе мешает начать новую жизнь, жить так, как тебе хотелось бы?

Инна: Привычка мешает.

Терапевт: Ты говоришь о том, что как будто бы запрещаешь себе мечтать... Такое впечатление, что ты запрещаешь себе мечтать, чтобы не пришли те образы, которые подсказали бы тебе, чего ты хочешь...

Инна: Нет, я мечтаю.

Терапевт: Ты мечтаешь? О чем? Хоть намекни. Ты знаешь, что мечтать, если эти мечты направленные, – это сильное средство от очень многих болезней. Нет ничего лучшего в качестве компенсирующей силы, чем мечты. Мечты – это все равно, что иммунитет. У тебя же проблемы с иммунитетом? Мне кажется, что ты все-таки подавляешь свои мечты. Ты как мечтаешь? Когда?

Инна: На лекциях. (*Общий смех.*)

Терапевт: Так ты же говоришь, что ты отличница, что ты чувствуешь себя уверенно, только когда учишься хорошо. А кроме лекций, ты не мечтаешь?

Инна: Мечтаю.

Терапевт: Когда?

Инна: Когда ем. (*Общий смех.*)

Терапевт: Ты времени зря не теряешь. Ты такая дисциплинированная? (*Инна отрицательно качает головой.*) Тебе в Сочи трудно придется поначалу. Когда ты еще мечтаешь?

Инна: Когда книжку читаю.

Терапевт: Еще когда?

Инна: Когда спать ложусь... В ванной.

Терапевт: Когда ж ты не мечтаешь?

Инна: Когда общаюсь с кем-нибудь...

Терапевт: Тоже, наверное, мечтаешь иногда...

Инна: Нет, когда общаюсь – не мечтаю.

Терапевт: Да ты, наверное, мало общаешься...

Инна: Много.

Терапевт: А что для тебя интереснее – реальность или мечты? (*Инна молчит.*) Хорошо, а как же ты все-таки видишь свое дальнейшее обучение? И вообще свою жизнь? Как это будет происходить? Ты вообще это будешь делать для себя или для родителей?

Инна: Не знаю.

Терапевт: Что ты плачешь все время? Тебе интересно учиться?

Инна: Сейчас пока нет. Но потом должно быть. У нас сейчас нет никаких занятий в клинике; а когда будут, будет интереснее.

Терапевт: И ты будешь меньше мечтать – больше работать. Быть примерной девочкой? Такое чувство, что не все твои части этого хотят, что есть у тебя какая-то часть, которая хочет другого. Как ты думаешь?

Ситуация подавления, которую мы видим, вызывает ощущение, что у Инны части взаимодействуют не ансамблем, и она, будучи «материалистом», просто подавляет свои «прочие» части. Она хочет выглядеть цельной, хотя на самом деле цельной не является. Она мечтает, хотя вроде бы и не знает, что она мечтает. А в основном, как выясняется, только и делает, что мечтает. Болезнь является метафорой рассогласования частей и попыткой разорвать единое целое, идти в разные стороны, которые ничего не знают друг о друге. И целью, собственно, является цельность, которую возможно достигнуть через активный диалог частей. И если диалог будет достаточно интенсивным на уровне переживаний, то существует вероятность, что он затронет и соматический уровень.

Инна: Думаю, что есть.

Терапевт: А что это за часть? Ты согласна с таким допущением, это может быть и совершенной неправдой, что в тебе есть две части, и когда ты говоришь от имени одной из них, ты говоришь уверенно и четко, что хочешь учиться, стать врачом, жить домашней жизнью. А потом вдруг что-то происходит, ты переключаешься и говоришь от лица другой своей части, которая хочет другой жизни. Но между собой они не разговаривают, такое впечатление, что они боятся друг с другом встречаться.

Инна: Допускаю.

Терапевт: Хорошо, тогда как же быть? Они же хотят растащить тебя на две разные части? Эти волокна, которые в тебе расслаиваются – это же и есть та перегородка, которую хотят расслоить эти две части, чтобы разбежаться в разные стороны.

Инна: Мне надо в будущей работе найти какой-нибудь элемент риска, чтобы...

Терапевт: Но элемент риска уже есть – твое заболевание. Классный элемент риска – то ли выживешь, то ли нет... Тебе нравится такой элемент риска?

Инна: Нет, не нравится.

Терапевт: А почему не нравится? Можно сидеть на месте и рисковать. В конце концов – очень удобно. Ну хорошо, а что ты еще знаешь про свою вторую часть? Почему ты плачешь?

Инна: Не знаю.

С помощью таких высказываний я готовлю клиентку к тому, чтобы ей легче было принять идею разных частей. Не мышонок, не лягуш-

ка, а дракон – три головы... То есть в ней созревает идея того, что у нее есть разные части, и они действительно разные. Иным выражением этой идеи служит то, что есть полярные чувства, что чувства, которые являются противоречивыми и как бы растягивают человека в разные стороны, на самом деле нормальны.

Терапевт: Ты часто плачешь?

Инна кивает утвердительно.

Терапевт: Ты краснеешь, когда плачешь?

Инна кивает утвердительно.

Терапевт: Хорошо, как же сделать так, чтобы эти две части находили контакт друг с другом?

Инна: Надо, чтобы более официальная часть осознала, что есть еще и вторая часть.

Терапевт: Но ведь вторая часть – баламут, она хочет менять твой образ жизни, хочет в Сочи: а ты попробуй, договорись об этом с правильной частью. Одна часть хочет все расшвырять в стороны, а вторая так любит порядок, чтобы все лежало как надо. Они же видеть друг друга не хотят и слышать друг о друге не хотят. У других людей бывает целых четыре части – и все ничего себе, как-то общаются... А какие есть доказательства тому, что эта вторая часть действительно есть? Может быть, это выдумка? Понимаешь, потому что, если перевести это на другой язык, на язык нашего аутоиммунного заболевания – это такое заболевание, которое само с собой борется. Состояние, которое само себя пожирает. Мне кажется, ты тоже сама себя пожираешь. Что ты плачешь? Мы сейчас устроим перерыв, а после него опять за тебя возьмемся. Не убежишь?

Когда я говорю ей: «не убежишь?» – я показываю, что понимаю, что ей трудно, я с ней солидарен, я даю ей понять, что несмотря на обстановку игры, все-таки идет очень сложная работа.

Инна: Хочется.

Терапевт: Какой части больше хочется?

Инна: Взбалмошной.

Терапевт: Так это, может быть, вообще хорошая часть? Или она неправильная?

Инна: Я не знаю, правильная она или неправильная.

Терапевт: Как не знаешь, она может кому-то завидовать, или кого-то ненавидеть – вообще это черт знает что за часть... Ты должна ее в узде держать, эту часть?

Инна неопределенно пожимает плечами.

Терапевт: Эта часть тебе кажется ужасной?

Инна: Да нет, по-моему...

Терапевт: Так, а что же? Можешь, значит, с ней общаться? Со взбалмошной частью?

Инна: Могу, наверное.

Очень важный вопрос. Когда я спрашиваю: «Какая твоя часть хочет сбежать?» – то напоминаю ей, что если она хочет сбежать, то это одна из ее частей хочет сбежать, тогда как другая хочет остаться. Эта игра с самого начала затеяна для того, чтобы дать ей понимание, что Инна сложнее, чем думает о себе, и что нужно не искать простоты, а работать с этой самой сложностью.

(Перерыв)

Терапевт: (Обращается к участникам семинара.) Сегодня мы с Инной попробуем поработать и продемонстрировать новую разновидность транса. Он будет, скорее, неопределенным, и переживания могут быть восприняты человеком по-разному: он сможет достраивать свою картинку вокруг того, что происходит. Инна любит, чтобы все было очень точным, а этот транс будет предельно неточным. К сказанному можно вовсе не прислушиваться, но тем не менее вы увидите, как могут работать образы и ритмический строй.

У меня было такое чувство, что она боится определенности. Когда я сказал, что транс будет неопределенным, она так радостно закивала, что с ней ничего не сделают. У Инны есть опасения, что с ней будут манипулировать, что на нее будут воздействовать, что ей начнут придавать какую-то форму, отчеканивать, как монету, завершать то, к чему она не готова. Потому что до принятия окончательной формы существует выбор, метания, и Инна хочет это пройти, прожить...

Инна вертит колечко на пальце.

Терапевт: (Обращается к Инне.) Ну что, колечко бросаем в море?

Инна улыбается.

Терапевт: Хорошо. Давай закроем глаза, и прислушаемся к какому-нибудь ритму... Может быть, ты услышишь или представишь себе, как птицы поют. А может, услышишь какие-нибудь шевеления вокруг... Или ты можешь вспомнить, как в лесу под ветром качаются сосновые деревья... А еще ты можешь прислушаться к ритму своих век... как они дрожат... Может быть, к своему дыханию. Легко-легко колышется кофточка... Давай себе представим, как в детской сказке, что ты оказываешься в дремучем лесу, где поют птицы, и колышутся очень высокие, очень мощные сосны. И, может быть, тебе становится страшно... (*Далее ритм сильно замедляется.*) Представь себе, что, как в сказке, ты оказываешься около двух ручьев... И в них совершенно разная вода... В одном мертвая, в другом живая... Тебе очень страшно оказаться рядом с этой холодной темной водой. Если хоть капля попадет на тебя, ты можешь заснуть, и почувствовать, как все тело... деревенеет и склеивается... А стоит брызнуть на тебя живой водой... и это склеенное тело... начинает шевелиться и дышать... И страшно, что не окажется вокруг кого-то, кто сможет вовремя зачерпнуть воды...

Инна очень склонна к колебаниям... Она находится в протопатиче-

ском состоянии, когда основное, что с ней происходит – неуверенность, колебания. Следующая стадия развития – это принятие того или другого решения. На этой стадии Инна краснеет, бледнеет, мечется, даже не понимает, что возможны какие-то выборы. У нее пять возможных движений в разные стороны. И для нее возможность выбора между двумя «или – или» – это уже очень сильное облегчение, развитие, формирование. Я ее направляю в эту сторону. Два ручья – и нужно выбрать один из них, и это вызывает колебание. Здесь – полярность жизни и смерти. Далее – ручьи куда-то текут. Это движение, это поток мелких капель. Таким образом, клиентка оказывается между чем-то, что ее омывает. Налево пойдешь – как в сказке – страшно, направо пойдешь – еще страшнее. Все это повышает градус возможного ожидания. С другой стороны, если брызнуть мертвой водой – она склеивается, застывает, тело становится мертвым, она превращается в Спящую царевну, приходят всякого рода детские ассоциации с замиранием – «Чур, меня!» – замру – меня нет. А живая вода, наоборот, вызывает оживление – легкий переход от одного к другому. Вода – это ужас колодца, заглядывание куда-то в глубину, вниз. «Если я разлагаюсь, то, кажется, я в воду попадаю, меня размывает». Вода как образ размывания, и вода как образ чистоты. Еще вода – это то, что смывает грязь и уносит ее, что обновляет, из чего выходишь заново рожденным, это переход из старой жизни к новой.

Тебя почему-то тянет то к одной воде, то к другой. И ты чувствуешь очень ясно, что в одной воде есть притягательная прохлада... и какая-то особенная цельность и законченность... И кажется, что эта вода тяжелая... Стоит только брызнуть ею или пригубить... или даже посмотреть на нее... как она начинает тебя завораживать... И эта тяжесть передается векам и рукам... И кажется, что как в сказке, как в замке, опускается кисея... и все вокруг засыпает... перестает двигаться... успокаивается... И возникает полная тишина... Куда-то уходят знакомые звуки города, и шум деревьев, и пение птиц... И ты как будто двигаешься в двух направлениях... Пытаешься ухватиться, запомнить и услышать... машины, птиц и какие-то звуки... А с другой стороны, ты как будто бы двигаешься в полной тишине и покое... Ты пытаешься шевелить веками, но тебя тянет глубоко-глубоко заснуть... А другая вода, стоит только о ней подумать... журчит... И кажется, что в ней отражаются деревья... Она немножко булькает... И каждая ее капля кажется живой... активной... куда-то стремящейся... Она даже немножко разъедает... И хочется остановиться между двумя ручьями, где-то посередине... Тебя неудержимо тянет ко сну... хочется задремать... И ты можешь представить себе, что как в сказке с хорошим концом... ты купаешься, пьешь, кто-то окунает тебя... в эту мертвую воду... Твое тело распадается на разные части... Каждая часть отдельно... засыпает... И ты чувствуешь покой...

Распадение на части и собирание вместе – это общая идея, кото-

рая уже в беседе была прочувствована, как накал переживания, который собирает вместе. «Кого-то люблю, кого-то ненавижу, этого хочу, этого не хочу...» – право на одновременное притяжение и отталкивание, право на манипуляции и перемещение внутри самой себя. Сложность и гибкость, необязательность однозначности, возможность распасться, принять себя разной: свои разные лица, разные чувства, разное отношение к окружающим.

А потом кто-то погружает тебя в живую воду... И ты чувствуешь, как разные твои части... начинают соединяться вместе... сплавляться... Представь себе, что мальчишки, в консервной банке, что-то плавят... Представь, что в очень сильном огне... разные вещества... разные металлы сплавляют вместе... И в этой горячей, кипящей и в то же время прохладной живой воде... что-то особенное, происходящее в тебе... И кажется, что, как в сказке, по всем твоим жилам протекает... какая-то бодрящая... судорога... которая все соединяет... И опять заставляет биться сердце... шевелиться... Как будто накатывают волны разных забытых чувств... То радости, то грусти...

Общий мотив: «Со мною что-то происходит, со мною происходит много разного, и мне это нравится. Мне нравится меняться, мне нравится стремиться неизвестно куда, мне нравится риск каждого следующего шага, я не знаю, что со мной происходит, но я этого не боюсь – мне нравится сам процесс изменений, я к нему готова».

Ты начинаешь глотать, шевелиться... И тебе кажется... что придется еще долго-долго дремать... даже с открытыми глазами... И ты можешь представить себе, что ты – маленький-маленький цыпленок... Сворачиваешься и лежишь в яйце... И ты совсем потерялась... У тебя никого нет... И ты начинаешь заново рождаться... вращаясь... лежа... Легко и спокойно...

Это одно из состояний, в котором Инне хочется спрятаться и как-то успокоиться – чтобы она не металась, а скорее свернулась и тихо лежала, как цыпленок, в яйце, и чувствовала себя уютно и комфортно. Тихо лежать и наслаждаться тем, что не надо торопиться вылупляться.

И ты можешь представить себе, что ты, как почка на дереве, не знаешь, с какой стороны возникнет росток... Но ты очень хорошо чувствуешь, как будто варишься а этом теплом... темном... убаюкивающим пространстве... словно в нем опять смешиваются... капельки живой и мертвой воды... И тебе немножко страшно... оказаться без всякого прошлого... как будто в этом яйце... в этом огромном и страшном пространстве... ты раскачиваешься... и немножко вибрируешь... И ты начинаешь чувствовать... что твои глаза когда-нибудь могут открыться... сердце начнет биться... а уши слышать... И ты можешь видеть разные сны... Например, про то, как ты видишь красивую золотую монетку... у которой есть разные стороны... с разным рисунком на каждой стороне... И эта монетка переходит из одних рук в другие... И от этого перехода она совершенно не меняется... Ее прячут...

ее хранят... ее передают друг другу... Ты чувствуешь, будто ты и есть эта золотая монетка... которая живет своей жизнью... и много видит... и переходит из одних рук в другие... Никто не знает, что она так много видит и слышит...

Я думаю, что это компактный образ. Золотая – это значит – ценная, это некое ядро. Образ такой, что ты можешь меняться, чувствовать по-новому во всякой новой ситуации и при этом сохранять неизменность. Монета – это нечто, имеющее четкую форму, она вычеканена. У клиентки же сейчас стадия протопатическая, доклеточная... Есть стадия, когда возникают разные чувства, или разные части, или разные клетки, но клетки незрелые. А есть клетки окончательно созревшие. Монета – это очень зрелая стадия. Понятно, что такое деньги, понятно, что такое золото, понятно, что такое «вычеканено»... «Ты можешь быть зрелой, при этом будучи отчеканенной, законченной монеткой, общаясь с другими людьми, ты все время меняешься, ты переходишь от человека к человеку, у тебя новые впечатления, у тебя новые чувства, но ты сохраняешь какую-то неизменность».

Ты чувствуешь, что тебе совершенно неважно, кто касается тебя... потому что, кто бы к тебе не прикасался, ты все равно остаешься самой собой... И ты помнишь тот огонь, в котором тебя выплавили... Иногда ты боишься потеряться... но ты знаешь, что тебя все равно обязательно найдут...

Она теряется в мечтах, она теряется в нечеткой форме своего тела... Это опять же проблема формы, законченности, ясности границ. Коллагеноз – это потеря границ ткани. Я думаю, что, с одной стороны, это ощущение свободы чувств, а с другой – того, что каждое чувство имеет свою границу, проявляется на соматическом уровне проблемы и одновременно несет в себе возможности развиться из этих границ.

На разные лады повторяется: «Ты не должна потеряться...» Что значит: «когда ты выходишь из привычных рамок, перестаешь быть маминной дочкой, уходишь из семьи, перестаешь действовать по канонам, то есть "идешь туда – не знаешь куда, делаешь то – не знаешь что", ты не потеряешься, что-то тебя удержит».

Ты можешь представить, что однажды тебя принесли и положили... в очень хорошую землю... Ты сама не знаешь, где... Ты чувствуешь, как вокруг... холодно, потом тепло... И может быть, ты превратишься... в зернышко... в растение... Ты можешь представить... что тебе очень хочется почувствовать солнышко... тепло и покой... Как будто пойдет дождь... И это будут твои слезы... И каждая твоя слезинка... помогает... чувствовать и расти... И ты можешь представить, что ты можешь заново вырасти... И где-то в особенном месте... может быть, в лесу, а может быть, на кладбище... начинаешь расти... как цветок или дерево... заново вырастать... и чувствовать, как тебя неудержимо тянет... к свету... к теплу...

Что бы тебе ни хотелось сделать – хоть убеги в лес, хоть седи на скамейке – все равно с тобой ничего не должно сделаться, ты должна себе жить и радоваться.

И чувствовать, как тебе нравится... что у тебя новые почки... пыльца... Ветер подхватывает ее и разносит... И ты можешь летать... и быть везде... и все видеть... все слышать...

Это значит: «тебе хочется жить»... «И ты можешь жить в самых разных формах. Ты можешь жить как монетка, ты можешь жить как зерно, ты можешь жить, как поток воды, ты можешь жить, как странное существо, тебе интересно превращаться... Тебе хочется жить... Найди себе то, что тебе нравится. Хочешь – убеги в Сочи. Хочешь – лазай по горам. Хочешь – мечтай. Найди себе возможность выразиться. Чтобы в тебе появился поток желания жить, поток стремления к чему-то, когда ты сама начинаешь что-то выбирать».

И тебе очень нравится вырастать заново... пускать новые корни... и быть совершенно самой собой... Ты помнишь про капельки живой и мертвой воды... И кажется, что в этом растении ты сама учишься их как-то смешивать... Иногда... из одного твоего глаза вытекает слеза одной воды... а из другого глаза... вытекает слеза... другой воды... И эти слезы как будто соединяют тебя... Ты чувствуешь себя в этом яйце цельной...

Слезы – это разрешение чувств, отсутствие подавления себя. Слезы ассоциируются со свободой эмоций. Слезы – это жидкость, связь с водой. Вытекают изнутри, льются снаружи... Одна слеза – из живой воды, другая – из мертвой... «Потому что в тебе есть мертвое, в тебе есть живое, оно должно как-то смешиваться. Ты, как растение, учишься смешивать влагу»... Также были упомянуты корни. Идея в том, что в растении есть образ целостности – есть корни, есть ствол, есть листья, есть ветви. Это такая метафора: «Ты гонишь через себя, через корни воду, влагу, она идет снизу, корни погружены в глубину, в мертвое, ты соединяешь мертвое и живое, в тебе самой есть мертвое и живое, правое и левое, в одном глазу слеза живая, в другом – слеза мертвая. Ты не боишься того, что в тебе сейчас есть, ты это смешиваешь, и если это смешивается капельками в правильных пропорциях, тогда все в порядке – ты сама больше, чем мертвое и чем живое».

Когда ты засыпаешь, ты как будто растворяешься... и теряешь привычные дневные формы... раскачиваешься... и видишь сны... словно распадаешься... на разные свои образы... А днем ты просыпаешься... И тебе хочется быть очень активной... пускать почки... становиться деревом – или цветком... И ты чувствуешь, как над тобой пролетают... разные облака... волны... которые куда-то уносит ветер... И этот ветер касается твоего лба... твоих щек... И тебе нравится слушать пение птиц...

Если вы помните, мы начали транс с фразы «ты слышишь пение птиц». Сейчас транс начинает заканчиваться, и происходит «закольцовывание» – возвращение к начальным образам.

Тебе очень нравится открывать свое тело... Чувствовать, что плечи то приподнимаются, то опускаются... дышит грудь... Тебе очень нравится вырастать на этом кладбище... и чувствовать себя растением... которое может превратиться во что угодно... Как будто на тебе вырастают золотые монетки... и уходят в разные стороны... И эти монетки заново сплавлены... И ты чувствуешь себя очень цельной... И как будто ты опять оказываешься в лесу... где шумят деревья... где поют птицы... И где-то вдалеке ты можешь слышать шум волн... И ты чувствуешь, что когда ты захочешь... в любой момент... из одного твоего глаза может скатиться слезинка... с одной водой... а из другого – с другой... Легко и спокойно... И тебя покачивает на волнах... будто выносит к берегу... И ты можешь слегка опустить голову... И чувствовать себя свободно и легко... И кажется, что морская пена омывает тебя... И ты выходишь из морской пены... и чувствуешь, как с твоей кожи... испаряется влага... И тебе нравится чувствовать свою кожу... теплой и свежей... как будто испаряющаяся пена... делает ее прохладной и одновременно теплой... Тебе очень нравится... как твое тело дышит морской влагой... чисто и спокойно...

Она реагирует на слова «чисто и спокойно». Эти простые слова смывают все лишнее...

Кажется, что ты в любой момент можешь уйти обратно в море... и раствориться в нем... и выйти из него... Ты находишься между двумя средами: между солнцем и воздухом... и водой... Иногда тебе хочется уйти в одну из них... а иногда в другую... Легко и спокойно... И это ощущение, что море... будто находится внутри тебя... когда ты выходишь из него... и омывает, и плещется... Тебя покачивает море... покачивает воздух... Легко и спокойно... И кажется, что солнечные лучи... как стрелы... проникают в тебя... и очищают... И ты знаешь, что где-то существует источник... живой и мертвой воды... И ты можешь путешествовать... и пить эту воду... Тебе очень нравится, что ты можешь вырастать и пускать корни... И неизвестно куда может улететь твоя пыльца... когда ты захочешь стать растением... легко и спокойно... И чем светлее воздух... тем легче тебе будет путешествовать... И стоит тебе заплакать... как ты можешь опять прикоснуться... к живому источнику... и к мертвой воде... и почувствовать, что ты можешь их смешивать... легко и спокойно... Тебе очень нравится... быть такой же цельной... как золотая монетка... в которой все вместе сплавилось... в которой есть две половинки – правая и левая...

Через две минуты Инна была выведена из транса; после короткой беседы о ее самочувствии и впечатлениях (рассказ клиентки, комментарий терапевта, вопросы из аудитории), семинар продолжался.

Что же касается Инны, то с ней проводилась дальнейшая работа, к

сожалению, недостаточная, из-за дальности расстояния. Психотерапевт, в отличие от хирурга, редко бывает совершенно уверен в том, что результаты можно полностью отнести на счет его работы, какова бы ни была ее успешность как таковая. Тем не менее, нельзя не сказать, что ремиссия у Инны продолжилась – последние сведения о ней относятся к концу 1996 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ИНТЕРВЬЮ С Л.М.КРОЛЕМ

Вопрос: Сначала общее впечатление от статьи. Оно напоминает впечатление, возникающее у меня при чтении текстов Эриксона и об Эриксо-не. Очень интересно, но совершенно непонятно. У меня есть две версии этого. Первая заключается в том, что гипноз есть некий секрет, который мастер не хочет раскрывать и поэтому наводит тень на плетень. А вторая версия состоит в том, что гипнотизер, будь то эриксо-нианский или еще какой-то, сам до конца не понимает механизма своего воздействия, он работает как бы с черным ящиком: делает что-то на входе и получает что-то на выходе. Если это действительно так, то это меня немного пугает...

Ответ: По этому поводу можно сделать ряд спекуляций... Конечно, разговор с клиентом происходит не в логической плоскости, так как то, что в логической плоскости могло быть понято или придумано, уже, скорее всего, было сделано и эффекта не дало. И терапевт, – я предпочел бы считать это терапией, а не гипнозом, – стремится обратить клиента к его собственным сферам, из которых может возникнуть новый ответ, не на логическом уровне. Существует прием так называемой сенсорной перегрузки, когда вводится достаточно много информации, и на логическом уровне человек уже не получает ответа, ищет его как-то иначе. Есть ситуация просто прямой путаницы, когда показывается недостаточность логических способов получения ответа. Есть прием эмоционального накала, когда создается ощущение интенсивного поиска, интенсивной жизни в данный момент, и тогда возможность получения ответа значительно облегчается, человек выводится из своей относительно вялой эмоциональной жизни, из стереотипа логического задавания самому себе вопроса и из стереотипной зоны восприятия себя. И это делается терапевтом вполне инструментально и зачастую осознанно. Приемы эти могут быть разложены по полочкам. Поэтому я бы предпочел, чтобы большая часть воздействий была демистифицирована и объяснена шаг за шагом.

Как правило, у терапевта существует фаза, когда он не знает, что ему делать, и это позволяет настроиться на то, что данный случай является исключением из правил и требует нахождения собственного алгоритма. Тогда у терапевта возникает установка на то, чтобы найти выход из общих правил. Терапевт стремится к случайному восприятию деталей происходящего и ищет выхода из зоны обобщений. Поэтому те мелочи в поведении клиента, которые с точки зрения обобщения, обычного масштабирования картины, являлись бы важными, становятся неважными. И наоборот, те признаки, которые являются второстепенными, могут быть ключевыми

и направляющими восприятие терапевта, инструментами его воздействия.

Вопрос: Правильно ли я понимаю пафос работы на этом уровне – не на смысловом уровне, который нам привычен, а именно на уровне досмысловом, довербальном – что терапевт эриксоновского подхода очень четко знает, как менять состояние клиента, режим функционирования сознания и умеет его менять. При этом его не интересуют смыслы, которые сознание будет производить в этом состоянии. Можно сделать различие на функциональную и смысловую составляющие психики. Эриксоновский терапевт работает с функциональной составляющей, а смысловую вообще оставляет в стороне. Такое впечатление, что в этих наведениях терапевт не несет ответственности за те реальные смыслы, которые у человека могут всплыть в голове в качестве реакции на те или иные слова.

Ответ: Если взять такой простой пример – восприятие фигуры и фона, – то обычно человек находится в состоянии восприятия фигур. Он фиксирован на проблеме; в его теле есть, пусть не совсем сознательно, точки, которые он контролирует; среди образов и смыслов, которые он порождает, есть ключевые, на которые он опирается. Это же относится и к физиологии, то есть человек имеет ту степень глубины дыхания, расслабления мышц, игры сосудов, которая тоже является для него фиксированной. Одна из фаз и задач работы заключается в том, чтобы снять эти и многие другие фиксации и передвинуть человека из фигуры в поле. Это поле касается и физиологии, и образов и сознательных смыслов, и телесного восприятия себя. В этой фазе мы передвигаем человека от обычных, частотных, ожидаемых смыслов и первых значений словообразов к полю их ассоциативных значений. И в этом отношении можно говорить, что мы обесцениваем первичный, фигурный смысл за счет ввода в обиход полевых значений. Естественно, при этом происходит смена масштаба, когда вот эти точки в поле, которых становится очень много, могут в разной мере обращать на себя внимание, и каждая из них может на время становиться фигурой. Поэтому, действительно, работа заключается в том, что обычные логические смыслы обесцениваются, причем к этому ведет как перевод в расфокусировку, дезавтоматизацию, выход в поле физиологических механизмов, опора на бессознательные образы, так и допущение одномерности и случайности логически обычных, ключевых, смысловых образов.

Вопрос: А теперь я хотела бы более конкретно расспросить по поводу этой девушки. Когда я наблюдаю работу с трансом, у меня все время такое ощущение, что там очень много эротического, независимо от пола, возраста... Это, наверное, естественно. Чтобы заставить человека потерять контроль, ему нужно задавать провокационные вопросы. А что касается этого конкретного случая, тут есть забавные переходы. Сначала речь идет о том, что девушка должна поменять свою жизнь, научиться рисковать, узнать свое тело и так далее. Дальше Вы строите трансовое наведение, в котором возникает образ монетки: «Ты чувствуешь, будто ты – золотая монетка, которая живет своей жизнью, много видит и переходит из одних рук в дру-

гие». Непонятно, каким образом клиентка может реагировать на такой транс при условии, что до этого был разговор о Сочи, о том, что надо научиться рисковать и прочее... В конечном счете создается ощущение легкости, ощущение, что с тобой ничего не случится, если ты начнешь переходить из рук в руки... На мой взгляд, это несколько безответственное рассказывание. Понятно, что у девушки, вероятно, такой сверхконтроль, что она не знает, что можно, а что нельзя. Но когда Вы говорите вдруг, что можно все, и она радостно воспримет это в качестве постгипнотического внушения, насколько Вы как профессионал несете ответственность за ее... приключения в Сочи, которые могут за этим последовать?

Ответ: Фактически Вы задаете три вопроса. Один про то, что такое интервенция или провокативный компонент, второй – про наличие сексуальных компонентов и их выраженность, и третий – про ответственность за те или иные постгипнотические внушения. Мне кажется, что одна из задач эффективной терапии вообще и трансa в частности заключается в том, что человек вместо обычной фиксации на чем-то одном или следующей фазе «или – или» (например, быть зажатым или полностью раскованным) перешел к состоянию, при котором он находится в ситуации спектра выборов. И именно то, что этих выборов целый спектр и они возможны в одно и то же время, отражено в природе трансa. Человек знает, что он сидит на стуле, и одновременно он знает, что находится в ситуации, которая ему внушается. Это снимает обыденное логическое состояние, в котором человек находится в одном измерении. Человек, расфокусировав свои обычные фиксации, находится в состоянии целого ряда выборов и опоры на свои бессознательные возможности, на те программы, которые в принципе в нем заложены, но которые не реализуются из-за того, что какая-то ключевая программа их подавляет. Такой банальный смысл, какой здесь прочитывается, безусловно, верен. Здесь происходит работа фактически на трех уровнях. Уровень первый – это фривольный, банальный, анекдотический контекст (Сочи, монетка, из рук в руки...). Второй момент – ее естественное состояние, в котором она реально находится сегодня, то, что Вы обозначили как высокий контроль. Третий план, который мне кажется тоже важным, – это довольно высокий «сказочный» накал, когда возможны превращения, закодированные в сказке, в мифе, в каком-то образе. Они закодированы для ее подсознания. Возможность легких трансформаций, возможность смены рельсов, по которым она дальше будет катиться... Пространство, в котором что-то случается, в котором есть подарки, быстрые решения, изменения, в котором есть переключения на другие программы.

Эти три плана друг друга отчасти уравнивают и компенсируют. Каждый из них нивелирует другой и снимает как таковые любые постгипнотические внушения. Я думаю, что она попадает в некое поле, в котором есть возможность вдруг получить серьезный импульс, выходящий в реальность из сказки, из истории, получить некие подсказки, которые трансформируются и в совершенно ином артикулированном виде исходят из

публичного фольклора, или каким-то образом, сняв фиксацию, утилизировать элементы ее сегодняшней жизни. Вопрос в том, чтобы на этом едином поле засеять элементы из разных subsystem и вызвать перекрестное опыление между ними. Конечный результат, безусловно, будет заключаться в том, что она получит возможность разных выборов, сможет использовать в качестве руководства к действию разные наборные кассы, а не одну. Вряд ли стоит опасаться (это проверено многими экспериментами), что гипнотическое внушение, которое находится не в связи с возможными силовыми линиями развития личности, вызовет какой-либо эффект. Под гипнозом человека невозможно ни убить, ни отдать в публичный дом.

Вопрос: Правильно ли я понимаю, что своими интервенциями Вы раскачиваете некую очень жесткую систему, то есть вместо одной возможности открываете человеку еще какие-то дополнительные? И за то, чем он дальше воспользуется, Вы не только ответственности не несете, но и не можете это отследить. Это не жесткая рекомендация делать то-то и то-то, а просто расширение круга возможных реакций человека... В принципе Вы не можете предсказать, что будет с человеком, как он использует расширившийся круг возможностей, который Вы перед ним раскрыли.

Ответ: Я думаю, что мы сейчас говорим не о принципах вообще, а об отдельной фазе работы. Мы взяли один фрагмент, в котором основным является расширение спектра возможностей и интонационного репертуара. В следующей фазе работы я могу быть гораздо более директивен, осознавать желаемые для меня тенденции ее развития и встраивать в программу постгипнотические внушения.

Вопрос: То есть тот стиль, который представлен в этом тексте, специфичен для данного конкретного случая. Была какая-то запрограммированность в этом трансе – нужно было как-то девушку раскачать. А если бы перед вами был человек «безграничный», бросающийся из стороны в сторону, и Вам показалось бы, что это плохо, то Вы построили бы совершенно другой транс?

Ответ: Я думаю, что речь идет не о всем трансе, а о том, что в данном локусе этого транса можно говорить больше о раскачке, а в других локусах транс более директивен. Как правило, в пределах целого транса бывают совершенно разные по степени определенности подходы. В одной фазе терапевт строит интенсивный контакт. В другой фазе он ищет, что надо делать. Есть фаза, когда существует не знание, а полное погружение в процесс бытия, в поле возможностей. Есть фаза кристаллизации из этого процесса некой новой фигуры, которая будет отличаться от заданной изначально. Есть фаза проверки этой предлагаемой образной фигуры, есть фаза закрепления найденных путей в отдельных мелких интервенциях и советах. Я думаю, что эти фазы можно найти практически в любом совершившемся полном трансе. Поэтому опасно, глядя на отдельные фрагменты транса, делать обобщения. Кроме того, в этом случае речь идет о смертельно опасной болезни и достаточно высокой фиксации на этой болезни.

Этот транс является одним из двух, которые я проводил с ней. У этой истории довольно глубокие семейные корни. Даже если рассматривать опасность отвязанной жизни в Сочи как альтернативу краткому угасанию по всем законам коллагеноза в родном городе, родной семье, то я бы взял на себя ответственность рекомендовать скорее первый вариант. Мне кажется, что во многих случаях важно обозначить другие точки возможного экзистенциального края. Важно, что это не просто точки края, а что это другие точки выбора. Часто рифмой к экзистенциальному накалу, который предлагает пациент, является экзистенциальный накал со стороны терапевта, который с точки зрения здравого смысла кажется избыточным и утрированным. Я воспринимаю транс как продолжение эффективной терапии, как хирургическую возможность достаточно быстро провести интервенцию. В этом отношении я, безусловно, отвечая на Ваш вопрос, считаю себя ответственным за все интервенции, которые делаю, и отдаю себе отчет в возможном характере хирургического вмешательства. При этом у меня задача – перекрыть, как при операции, кровотечение из мелких сосудов и закрыть рану, чтобы процесс мог развиваться, как он шел до того, или идти новым путем, но без последствий – забытых в ране салфеток или потерянных инструментов.

Вопрос: Вы говорите, что на логическом уровне не конструируете никакой гипотезы о клиенте, когда начинаете с ним общение, но у Вас, как я теперь понимаю, в процессе беседы с клиенткой какая-то гипотеза все же была, и Вы ее реализовывали.

Ответ: Конечно. Для меня очень важна следующая вещь – я с помощью специальных собственных техник стараюсь в начале работы избавиться от легко возникающих гипотез и планов, в какой-то момент остаюсь без них, переживаю мучительный холодок отсутствия защиты и инструментария. Это помогает, удержавшись потом на какое-то время в ситуации незнания, получить неожиданную гипотезу, вначале достаточно блеклую, но, тем не менее, операциональную, которая в дальнейшем обрастает какими-то периферийными образами, а затем эти образы наполняются реальным содержанием. В конце концов образы переводятся в логический план, и следствием этого являются те или иные формулы, постгипнотические внушения, советы. Это, в частности, отражено в трех фазах наведения. Я считаю, что транс наводится, во-первых, при беседе, интервенциях и провокациях; во-вторых, при формальном наведении, которое использует разные интонации, актуализирует сказочно-мифологическую составляющую; и, в-третьих, при разборе, часто весьма рациональном, того, что происходило во время трансa, который продолжает диалог между разными образами (право-лево-полушарные взаимоотношения). И поэтому, мне кажется, что все, что происходит, может быть логически обосновано, на любой вопрос может быть получен конкретный ответ, но это не может быть сделано заранее, априорно, и те образы, которые получены из данного конкретного трансa, вряд ли обобщаемы в качестве принципов, примени-

мых к заболеванию данного типа, человеку данного типа и так далее. Это метод, который декларирует исключение и работает на исключение, стараясь создать историю болезни, алгоритм воздействия и специфику контакта, исходя из данного случая и неповторимости отношений между клиентом и терапевтом.

Вопрос: Вот тут еще есть место про мертвую воду и про то, что клиентку однажды принесли и положили в очень хорошую землю... Все эти аграрно-мифологические метафоры – они намеренно такие замогильные?

Ответ: Я думаю, что они намеренно такие. Я не хочу ее усыпить, убаюкать, сказать, что все в порядке. Я хочу актуализировать и даже усилить реальность того, куда идет процесс. Я как бы проходящим пунктиром требую от нее, чтобы она взяла на себя ответственность за все происходящее, даже за то, что происходит с ней как с объектом, в том числе за болезнь. Я утрирую позицию, при которой она должна отвечать за все – за эту болезнь, за выбор профессии, за выбор образа жизни и так далее.

Вопрос: Клиентка должна была извлечь из этого транса представление о том, что она сама выбирает эти ручьи с живой и мертвой водой?

Ответ: В данном случае «она» – это ее бессознательное, ее нелогическая часть, которая, по идее, должна войти в большой резонанс с ее логической частью, для чего требовалась бы более длительная терапия. Но, возвращаясь к метафоре умирания, здесь она присутствует в разных видах: и умирание – сажание в землю, и умирание как совершенно другой образ жизни, и умирание как переплавливание, и умирание как отсутствие чего-то человеческого, превращение в нечто совершенно другое. Это косвенные образы, которые актуализируют, с одной стороны, опасность ситуации, а с другой – возможность трансформации в случае опасности. Если мы посмотрим на литературу по умиранию, мы увидим, что когда человек близок к экзистенциальному краю, у него возникает серьезный выбор, и много серьезных излечений возникает именно в самый последний момент.

Конечно, этот подход может быть несколько нерациональным, но я не думаю, что терапевт – дурак, который не знает, что он делает. Как раз хорошо было бы проговорить то, что Вам непонятно...

Вопрос: Вот как раз про слезы... Мне как-то не очень понятно... Здесь есть попытка воспроизвести сложную алхимическую формулу: «Иногда из одного твоего глаза вытекает слеза одной воды, из второго глаза вытекает слеза другой воды и эти слезы как будто соединяют тебя, ты чувствуешь себя яйцом, в этом яйце цельной»... Неужели Вы думаете, что этот сложный образ, который очень тяжело представить, даже имея ясную голову, тем не менее будет использован на бессознательном уровне? У меня такое впечатление, что бессознательное, с одной стороны, богаче сознания, а с другой – там меньше соподчинений внутренних, там все свалено в одну кучу. И когда Вы пытаетесь на бессознательном уровне выстроить некую модель, довольно сложную – живая вода, мертвая вода, они смешиваются,

– это предполагает представление о бессознательном, которое умнее сознания, которое не только богаче, но даже логически сильнее, чем сознание. Потому что извлечь какую-то пользу из этого образа (слезы, ручьи) можно, обладая бессознательным более умным, чем сознание.

Ответ: Давайте этот образ чуть-чуть разложим. Прежде всего, я играю с тем, что есть одно – некая фиксация, есть два – правый глаз, левый глаз, слеза из правого глаза, из левого глаза, холодно и тепло. В этом отношении часть из сказанных слов – не более, чем наполнитель. Отдельные образы, тем не менее, могут вызывать какой-то внутренний ответ со своими специфическими ассоциациями. Повторение оппозиции живого и мертвого, возможности проснуться и не проснуться, тоже может вызывать какие-то ассоциации. Я думаю, что логически цельный образ, конечно, не выстраивается, однако образ яйца как-то корреспондирует с заранее сказанным «я мышка, а ты – человек», «ты неведома зверушка». Это возможность начать сначала, это, как и образ переплавленной монетки – возможность сплавить далеко друг от друга находящиеся вещи и начать с исходной точки. Второй момент – это задание некоторых ритмов: холодно – тепло, весна, когда возникает рост, – зима, когда все под спудом. Возникает ассоциация, с одной стороны, с зажатостью, жизнью по некой схеме для семьи, а с другой – с раскованностью, когда идешь в рост и не всем ростом можешь управлять, не понимаешь, куда ты, собственно, растешь. Много образов, которые раздражают своей хаотичностью, но, тем не менее, являются мазками общей картины.

Вопрос: У меня возникают ассоциации с логикой сновидений, где при помощи разных сюжетов моделируется одна и та же мысль, которая иллюстрируется несколькими ситуациями, совершенно между собой не связанными. В трансе, как и в сновидении, есть некая схема, и если ее эксплицитировать, то она получается простой, но доходчивой. Вот было одно, из него с помощью дивергенции получилось два, была просто девочка, а тут – два ручья, было зернышко, а из него выросла почка, или из яйца вылупилась мышка...

Ответ: Мне кажется, здесь еще важно, что когда с нелогической частью клиентки так всерьез и по-разному, пусть даже глупыми образами, вынеся за скобки содержание, разговаривают, это привлекает ее внимание к ее сновидной части. Потому что ее подавленность и отсутствие знания своего бессознательного приводят к тому, что она не обращает внимание на свое бормотание, на свои мечты, на свои сны... Они проходят в полной оторванности... Если угодно, метафорой коллагеноза является разделенность, ткани как бы расслаиваются. Я исхожу из того, что у нее существует такое же расслоение между ее левым и правым полушарием, между ее рациональной и образной частью. Я пытаюсь их сплавить, направить свои интервенции на развитие бульона ее бессознательного. Я закладываю словесно выраженные, относительно логические образы, пусть не связанные друг с другом, в этот бульон и жду оттуда ответа. А потом связываю ана-

логи с этими образами на более сознательном уровне, когда говорю с ней. Я пытаюсь преодолеть разрыв, вызвать диалог, чтобы она могла обращать внимание на свое бормотание, могла мечтать, могла отдавать себе отчет в том, что другие линии жизни тоже возможны как производные этих мечтаний. Это мне кажется очень важным, потому что вопрос о том, какие линии жизни она выберет, в конце концов, далеко-далеко впереди, до этого еще надо дожить. Но процесс самого выбора и контакта с ее внутренним миром является, собственно говоря, и целью, и терапевтической данностью.

Вопрос: Может быть, Вы еще хотите что-нибудь сказать по поводу этого случая?

Ответ: Вы знаете, это очень заряженный случай. По року судьбы потерялся второй транс с ней. Причем я могу сказать, что знал о ней совсем немного, и мне было очень трудно придумать способ наведения. Я над ним думал часа четыре очень напряженно. После этого было первое наведение, и оно было по ощущениям очень энергетичным. И эта энергетика сильно отличается от того, что можно воспринять из текста. Ты это чувствуешь по реакции аудитории, по глубине транса девочки, по своему собственному состоянию. Затем у нас с ней был перерыв, и был второй транс. В идеале с ней нужна более длительная работа. В конце концов, транс компенсирует недостающее воздействие. Одна из задач транса – заложить это трудно формулируемое ощущение, что изменение все-таки возможно. Хотя, может быть, логически и неверно, что все находится в ее руках, в том числе ее болезнь, ее семья, ее образ жизни и так далее... Пусть не сегодня она эти изменения вызовет, но когда-то. И на этом фоне, если она начнет мечтать, бормотать и введет эту часть в свой обиход, образ девочки, которая идет по рукам в Сочи, никакого значения не имеет, потому что она настолько хорошо и правильно воспитана, что никакой всемогущий дурак, даже если захотел бы ее в этом смысле направить по ложному пути, в этом вряд ли преуспел бы.

Вопрос: Спасибо, было интересно.

Ответ: Спасибо.

Вопросы задавала А.Б.Фенько